

ВОЛОГОДСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ № 33.

Суббота, Августа 15 дня, 1859 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. *Кумь. (Народное повѣрье). Евгения Писарева.*
- II. *Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ. В. Аврамова.*
- III. *Кожавское озеро. В. П.*
- IV. *Частныя объявленія.*
- V. *О прѣхавшихъ и выѣхавшихъ.*

I.

КУМЪ.

(НАРОДНОЕ ПОВѢРЬЕ.)

Скучна бываетъ, порой, дорога одинокому путнику: самая красота окружающей природы не въ состояніи разсѣять тогда душевной его пустоты и чрезвычайно бываешь радъ, если, при такомъ настроеніи духа, встрѣтишь попутчика, съ которымъ можно обѣяться хотя нѣсколькими словами. Такое состояніе испытывалъ я, пробираясь разъ въ одну деревню, какъ говорится, по образу пѣшаго хожденія. Дорога вилась по прекрасному сухому бору; ночь чернымъ покровомъ легла на землю; въ воздухѣ была такая тишь, что ни что не шелухнулось. Полной грудью вдыхалъ я чистый воздухъ, пропитанный смолистыми

сосновымъ запахомъ. Чего бы, кажется, лучше подобной обстановки! а, нѣтъ, мнѣ хотѣлось еще встрѣтить живое разумное существо, и судьба послала его въ крестьянинѣ, запоздавшемъ въ городѣ и спѣшившемъ домой въ одну со мной сторону. Слово-за-слово-мы разговорились; тороватый мужикъ закидалъ меня разсказами о томъ, о другомъ, о сельской жизни, работахъ и наконецъ добрался до общаго всемъ простолюдинамъ мотива, до продѣлокъ духовъ, играющихъ столь важную роль въ простонародныхъ вѣрованіяхъ, и между прочимъ передалъ мнѣ случай, о которомъ я и хочу разсказать теперь читателямъ. Правда, подобныя вещи можно услышать и въ Шенкурскѣ, и въ Кромахъ, словомъ во всехъ уголкахъ матушки Россіи, и съ самыми ничтожными вариантами, но тѣмъ не менѣе разсказъ этотъ можетъ быть и займетъ кого нибудь.

Сначала, когда я сталъ было увѣрять своего дорожнаго спутника, въ несуществованіи на свѣтѣ ни вѣдьмъ, ни лѣшихъ, ни водяныхъ;—такъ онъ—куда тебѣ! знать ничего нехочетъ, несетъ себѣ одно и то-же; есть, говорить, и черти, и лѣшіе, и домовые, короче сказать, несомнѣнно вѣрилъ во весь міръ тѣхъ темныхъ духовъ, которыми предки наши, въ эпоху религиозныхъ антропоморфическихъ убѣжденій, населили вселенную и въ доказательство истинности словъ своихъ предложилъ мнѣ разсказать про дѣлаку лѣшаго или черта съ однимъ его знакомымъ. На сомнѣніе мое относительно правдивости этого послѣдняго, страдательнаго въ происшествіи лица, возразилъ, что это ни кто другой, какъ кумъ его Трофимъ, мужикъ такого характера, что для него смѣлость небылицу и выдать ее за правду, страшный грѣхъ, и что за такой фальшь, онъ не возьметъ и тысячи рублей, и какъ бы для большаго убѣжденія моего добавилъ: «онъ и живетъ въ Харитоновкѣ, какъ идти въ нее съ большой дороги, такъ изба его первая съ края;» и за тѣмъ, удовольствовавшись, по видимому, силою такого аргумента, началъ:

«Какъ-то, по осени,» здѣсь, кетати, прошу читателя замѣтить, что я передаю разсказъ моего спутника въ такомъ именно видѣ, въ какомъ слышалъ его, стараясь выдержать и языкъ и выраженія разсказчика; «какъ-то, по осени, ѣздилъ я въ городъ, по своимъ дѣлшкамъ; исправился тамъ—купилъ, што было надо, да и поѣхалъ домой. Коли я выѣхалъ за городъ, на спольѣ,—солнышко ужъ закатилось. Долго я ѣхалъ одинъ себѣ одинешенекъ, ни меня ни кто не настигалъ, ни я никого не опережалъ. Кругомъ былъ такой пустырь, што хоть бы те лачужка была гдѣ на дорогѣ. Правда изъ—за лѣсочка чернѣлись крыши домовъ; да далеко. Мнѣ стало што-то тосканно, а давай погонять свою лошаденку, думаю, кого ни-на-есть да настигу-же. Вдругъ, слышу колокольчикъ. Я поѣхалъ круче, а колокольчикъ все ближе и ближе. Ну, слава Богу, попутчикъ!

Вотъ подѣзжаю—телега запряжена тройгой. Лошади идутъ себѣ шагкомъ; а въ телегѣ ни кѣмъ ни кого невидно—ни ямщика, ни сѣдока.—«Миръ дорогой!», молвилъ я, примѣрно для того, чтобы узнать; не лежатъ-ли кто въ ней; оно такъ и есть,—и не ошибся. Услышавъ мой голосъ, кто-то лѣнливо поднялъ голову изъ телеги и сказалъ съ просонокъ:—«Поди, здорово живешь!... Кто тамъ?

—Кой чортъ, подумалъ я, да это ни какъ Трофимъ?... Это ты, Трофимша? окликнулъ я. Здорово! Куды, братъ, ѣдиль?

—А, кумъ Памфало? А я тебя и не узналъ.

—Пожалуй, кумъ, немудрено и не узнать; вишь, какая темнѣть, да ты къ тому, кажись, и вздремнулъ.

—А у тебя порадочной возъ. Поди вѣдь въ городъ ѣздилъ за товарами?... Ступай-ка садись ко мнѣ на телегу, такъ намъ лучше толковать—то будетъ.

—Я пересѣлъ къ нему,—и пошли у насъ тары, да бары; ну, словно бабы какія, всю подноготную прошли; да тоже заговорили и о томъ, што съ тобой-то мы о чемъ говорили.—Да слушай, сказалъ Трофимъ, я тебѣ разскажу, какая у насъ была диковинка.

—У васъ?

—У насъ. Да и то коли ты думаешь?

—А коли?

—Да въ самое пылѣннѣе яровой жнитво.

—Какъ это такъ? неужли?

—Ну вотъ! стану я тебя обманывать! да и какая мнѣ прибыль отъ этого? вѣдь, кажись, съ тебя я еще денегъ не взялъ... Да какая, братъ, и дико-

випка-та была! Хорошо, што баба у меня бойкая; а оно и не такъ бы, пожалуй, пришлось ловко, бабы на она.

—Да што же такое было?

—Да вотъ видишь: ты знаешь наши перенчи, што концами утыкаются въ самую рѣку?

Какъ не знать полосу кума! Да я всё ровно, што свои знаю. Ну ужъ и мѣсто тутъ, прости Господи, такое, што только чертамъ и жить. Этта, нешто—таки, полосы съ хлѣбомъ, а тутъ рѣка; вода въ нѣй, што тебѣ дѣготъ,—черная, пречорная! А тамъ—за рѣкой страшмой; престрашмой лѣсъ—къ небу вѣется. Коли поднимется погода,—ну ужъ ты бы послушалъ,—такой пойдётъ вѣй, шумъ во всему лѣсу, што Боже упаси! словно черти соберутся тутъ со всево свѣту бѣлова, да и бьются въ кулачки... Ну, такъ вотъ и говорить мнѣ Трофимъ.

—На этихъ-то самыхъ перенчахъ только всево-на-всѣ и оставалось у меня жнитва. Овѣсь былъ знатной, ни коли: еще такой не росталъ на этомъ мѣстѣ. Ну такъ вотъ и говорить мнѣ баба моя, пойдёмъ, говорить завтра, Трофимъ, жать на перенчи на весь день, чѣмъ по два дни таскаться въ такую даль, версты за двѣ безмалова. Я завтра пораньше обряжусь; ты унесешь туда зыбку да Оедюшку, а я захвачу обѣдъ и паужну.

—Ладно, говорю, баба. Кончимъ эту работу, такъ она и съ рукъ долой.

На другой день, только—только што немножко поблудило росу, я взялъ парня и зыбку, а баба—цестерку съ пирогами и все што надо, да и пошли

дожинать овѣсь на перенчахъ. Работа шла бойко; день былъ хорошъ—не то штобы жаркой, да и не холодной; а што-бы парень не плакалъ и не мѣшалъ намъ работать, я, какъ это и прежде было, поставилъ на полосу козлы, привязалъ къ нимъ кушачкомъ очапъ,—такъ онъ на немъ и покачивался у меня въ зыбкѣ. Вотъ мы работаемъ, работаемъ,—и у насъ, слава Богу, и дожинать оставалось немного,—этакъ всево-на-все снопа два-три; а солнышко ужъ спустилось, правда, низенько.

—Трофимъ, говорить жена, ты это дожинешь и одинъ; а мнѣ давно пора идти за коровами. Поди, Христосъ съ ними, не приобретуть сами. Да смотри, какъ пойдешь домой, такъ не забудь захватить парня-то...

—Ну, пошла ты, прости Господи! вскричалъ я сердито; будто-моль не знаю я этого и безъ тебя!

Баба ушла. Я себя думаю, скоро и я управлюсь съ работой, да и къ дому; а въ не тутъ-то было. У одново-то, братъ, работа пошла мешкотно. Одинъ, такъ ужъ одинъ, одно слово одинъ. Покаместъ дожиналъ; да ставилъ овѣсь въ груды, а солнышко-то ужъ давнымъ—давно закатилось, такъ што и мѣсяцъ сталъ подыматься изъ-за лѣсу и свѣтить страшнымъ заревомъ на темнѣющемъ небѣ. Въ полѣ такая стала тишь. Гдѣ-то слышны были пѣсельники, да опосля и тѣхъ нечуть стало. Ну вотъ кончилъ я работу, да и домой пошелъ; прихожу—у хозяйки и ужинъ готовъ, и скатерть раскинута.

—Ну што? сказала баба, коли вошелъ я въ избу; все кончилъ?

—Все, слава Богу.

—И снопы поставилъ въ груды?

—Поставилъ.

—А робенокъ гдѣ?

Тутъ меня будто кто обухомъ хватилъ по головѣ. Стою передъ бабой, выпуча на нее глаза, со всѣмъ оторопѣлъ. Догадалась она, што оставилъ я парня на полѣ; и давай ревѣть благимъ матомъ. Ужъ какъ-то она меня тогда и не вычестила. А я думаю, коли ужъ кругомъ виновать, такъ ругайся сколько душенькѣ угодно. Ну да сколько ни бранилась баба, сколько ни ругалась, да видить, што этимъ ничево не возьмешь; накиннула на себя балахоншко—да и въ поле. Прибѣгаетъ къ перечнямъ, смотреть парня съ зыбкой—не тутъ-то было! Смотрить туда, сюда,—и видить: парень виситъ въ зыбкѣ на высокой, высокой березѣ, и мужикъ, страшенной, почитай выше дѣсу, стоитъ да и качаетъ парня, а самъ толстымъ, охриплымъ голосомъ ублаживаетъ его:

Лю, лю, лю, лю, лю!
Бзюшки, баю!
Спи, мой голубчикъ,
Спи, да усни,
Упокой тебя возми!
Тебя, мой дружочикъ,
Оставила мать въ полѣ,
А отецъ позабылъ!

Моя баба такъ и обмерла отъ страха, и долго стояла на одномъ мѣстѣ, какъ полоумная; ужъ насилу то—насилу опомнилась; а все еще не знаетъ какъ приступить ей къ чорту. Наконецъ, какъ-то, братецъ ты мой, подошла къ нему по ближе: «какой ты добрый, говоритъ кумонекъ! воднисься съ моимъ парнемъ... Поди, вѣдь ты усталъ, качаючи? отдай-ка мнѣ его.»

—Ха, ха! заревѣлъ чертъ во все горло, да и зачастилъ: кумонекъ, кумонекъ!.. На, на, кумушка, возми своево сына!

И онъ снялъ съ березы зыбку съ парнемъ, да и поставилъ ее на землю, а самъ перешагнулъ рѣку и пошелъ по дѣсу, хлопая въ ладоши и приговаривая: «кумонекъ, кумонекъ!..» А баба моя схватила зыбку съ парнемъ—да и давай Богъ ноги. И што ты думаешь, кумъ Памфило? вѣдь этимъ еще не кончилось. Онъ, братецъ ты мой, за то, што его баба моя посадила въ кумовья, долго по осени гонялъ ей коровъ домой; у насъ и вѣры не было ходить за ними. У ково нѣтъ коровъ дома, а у насъ ужъ всегда дома. Неодиново слыхали и видали сосѣди наши, какъ онъ большой, большой хворостинной машетъ сзади коровъ, да и кричить: «ксы, ксы кумины коровы домой!.. ксы пошелъ!»

—Такъ видишь ты, голубчикъ мой, сказалъ крестьяпинъ, кончивъ рассказъ,—видишь, какія дѣлота бываютъ! а ты еще говоришь, што чертей и лѣшихъ нѣтъ на свѣтѣ. Ну што ты послѣ этого скажешь?

Но мы дошли наконецъ до деревни, въ которой жилъ Памфило, и разстались. Мнѣ оставалось еще верстѣ около пяти, и я поспѣшилъ поскорѣе перейти это разстоянiе, чтобы поужитъ уставшіе члены на душнстомъ снѣгѣ, ожидавшемъ меня подъ родною кровлей.

Евгеній Писаревъ.

II.

ЖИТЕЛИ ЯРЕНСКАГО УВЗДА И ИХЪ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТЪ.

(Продолженіе.)

Умственное состоянiе жителей. Въ умственомъ отношенiи жители здѣшніе стоятъ не высоко; однакожъ, нельзя не признать въ нихъ здравомыслія и разсудительности въ сужденiяхъ о предметахъ, доступныхъ ихъ понятiямъ. Они любятъ грамотность